

Касаткин Д.М.

ДОМ

12+

Дмитрий Михайлович Касаткин

Дом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51650200

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ о доме престарелых и его жителях, о неумолимом движении времени.

Содержание

Гость	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дом

Гость

Напоминающая контурную карту обшарпанная кирпичная стена, паутина голых веток, сугробы, слабые огни фонарей вдалеке и кружащийся над землей холод зимы. На потрескавшейся штукатурке, которой была покрыта стена, кто-то нацарапал слово – дом. Забавно.

Волею судеб, довелось мне работать в доме престарелых. И в течение полутора лет мне было суждено сродниться с этим тихим и печальным местом.

Может возникнуть вопрос: каким образом я оказался в этом месте. Ответ до неприличия прост. Я учился на заочном отделении агроинженерного института. Моя специализация, в данном рассказе, не имеет особого значения – как, собственно, она не будет иметь значения и в моей жизни. Как и у большинства заочников, у меня было много свободного времени. Усердно работать и искать пути дальнейшего укрепления и углубления жизненных корней я не торопился. Так уж вышло, что рос я жутким прокастинатором. Само знание обозначения этого и других мудреных слов вселяло в меня уверенность, что я интеллигент, а интеллигент-прокастинатор – это уже буржуа. По крайней мере, я так полагал. В свою очередь, домочадцы были крайне обеспокоены тем,

что я постоянно шлялся без дела, донимал их своим нытьем, сводившимся в основном к тезису – а посмотрите, как живут другие. В какой-то момент отец не выдержал и сказал:

– Если ты сам ничего не захочешь, то к тебе ничего и не придет.

Скорее всего, дело здесь было совсем не в том, что мысль материальна – хотя, я изначально подумал именно про это, – а в том, что необходимо двигаться навстречу к себе взрослому, а не ждать беспричинного прихода взросления. Но, отец не любил вдаваться в подробности и ограничился лишь этим кратким высказыванием. А я, как самопровозглашенный интеллигент, пустился в долгие раздумья глубоко экзистенциального характера. После нашего одностороннего разговора прошло около двух недель, и внезапно отец решил порадовать меня «приятной новостью».

– Серега, я нашел тебе работу. Все, как ты любишь!

– Что за работа?

И тогда отец мне все поведал. Он рассказал мне о доме, где живут пожилые люди, как они туда попадают, о том, какая помощь может им потребоваться. Отец считал – я идеально подхожу для данной работы. Специальности у меня еще не было, особого желания строить карьеру тоже, а там как раз нужны были рабочие руки. Также, по чистой случайности, мой отец был знаком с директором этого прекрасного заведения. Но, думаю, эти дружеские отношения играли последнюю роль в моем трудоустройстве. Разве можно такое

подумать? Никогда. Отец понимал – я всеми силами буду сопротивляться и сразу обрисовал мне возможные альтернативы: либо я устраиваюсь работать в дом престарелых, либо я переезжаю жить от родителей к своей девушке и, более, ноги моей в их доме не будет. Так как со своей девушкой я уже три месяца как расстался – выбор был достаточно очевиден. Так я оказался здесь.

Добраться до требуемого места оказалось непростой задачей. Таксист не сразу разобрался – куда сворачивать, и привез меня к каким-то баням. Как назло, названий улиц на домах не было. Навигатор предательски твердил – сверните направо. Таксист, используя для выражения своих эмоций всю глубину и красочность местного фольклора, таки свернул направо. Через минуту оказалось, что мы заехали в тупик. Навигатор показывал ему совсем другую топографию, нежели та, которую мы видели вокруг. Ни он, ни я не были в этих краях. Он остановился и решил спросить у проходящего мужчины дорогу. Тот совершил несколько размашистых движений руками, что-то сказал таксисту, таксист покивал, и они разошлись. Как ни странно, но, руководствуясь импровизированной картой дороги к требуемому местоположению, мы через десять минут благополучно приехали туда. Таксист не стал брать с меня деньги за время поисков и на такой мажорной ноте мы расстались.

Геронтологический центр находился примерно в километре от оживленного города. Из его окон можно было

увидеть многочисленные яркие всполохи городских окраин. Прежде всего, в глаза бросалось огромное количество деревьев, которые со всех сторон закрывали двухэтажное здание. Раскидистые ветви будто укрывали живущих здесь стариков от внешней суеты. Должно быть, летом здесь все утопает в зелени. По обеим сторонам вымощенной кирпичом дорожки были клумбы. Посетителей, яркой открыткой, встречал плакат советских времен «Расти для счастья и мира».

Для временного проживания мне выделили небольшую каморку в отдалении от общих жилых площадей. По совместительству – упомянутая каморка выполняла роль хозяйственной комнаты. Там хранились все инструменты и некоторая часть хозяйственного инвентаря. Комната была вытянутой формы. По обеим сторонам помещения располагались многоярусные стеллажи, на которых, собственно, и лежали: инструмент, drankа, коробочки с гвоздями, саморезами, сантехническими принадлежностями, проводами, деревянные чурки и многое другое. В глубине комнаты, перпендикулярно стеллажам, стоял небольшой столик, а за ним располагалась кровать. Места не доставало. От каждого плеча до стеллажа оставалось сантиметров по тридцать. Чтобы добраться до кровати, нужно было протискиваться между столиком и стеллажом. Окно приходилось на уровне груди. Я медленно вошел в свою новую обитель и сел на кровать. Да уж – попал. Чувство неизвестности перемежалось с чувством легкого страха перед этим местом. Было не ясно, что я

буду делать здесь, и, вместе с этим, я уже побаивался этого, будто погруженного в пучину забвения, места. Что поделать – надо обживаться и ждать, пока в моей голове сформируется нейронная карта этого места, что несомненно даст некое успокоение. Я огляделся по сторонам: выкрашенные стены, одиноко висящая лампочка на потолке, бетонный пол, огрызок коврика перед кроватью, обшарпанный стол и ощущение безжизненности помещения. То место, где живут люди, это не просто стены, не просто пол и потолок, это сотни и тысячи примет. Примет, что возникают в процессе их «жизни» в данном месте – которые въедаются в плоть сознания. Эти приметы и создают понятие – дом. Это пятно на обоях не просто пятно – а целая история. Эта матовая плитка в ванной – не просто плитка, а результат долгих споров домочадцев. Красивые часы на стене, которые вечно стоят, тоже часть судьбы дома. Что ж – придется создать эти приметы здесь. Пусть это и временное место моего пребывания. В ящике стола не было ничего, кроме старинного журнала «Техника молодежи». Я посмотрел на обложку. 1984 год – четвертый выпуск, Юрий Гагарин, космос, все дела. Над фуражкой героя кто-то ручкой выписал слова «Жизнь не зрелище, а серьезное...» последнее слово, на фоне неизвестной планеты, было не разобрать.

В первый же день меня загрузили работой. Особой квалификации работа не требовала. Передвинь, принеси, перевесь, помоги дойти, помоги подняться. Должно быть, до мо-

его прихода, обслуживающему персоналу, который состоял преимущественно из представительниц женского пола, приходилось тяжело, и теперь всю физическую работу перевесили на меня. Не все старики могли уверенно ходить. Колясочников приходилось переносить. Посадить больного человека на коляску было довольно тривиальной задачей. Хорошо – если старик еще мог держаться на ногах, тогда нужно было лишь помочь ему встать и, пока он держится за спинку кровати, подвезти под него коляску. Гораздо сложнее было с теми, кто совсем не ходит или не может стоять. В таких случаях – в полусогнутом положении старика нужно было брать под мышки, скрещивая руки у него за спиной, он же, в свою очередь, обнимал тебя за шею и ты медленно вставал. Затем пришлось развернуться в сторону коляски. В эти несколько секунд старик практически полностью повис на мне. Я мужественно ждал, пока коляску подгонят под него и он сможет сесть. Уверен – были и другие способы, но я привык к такому. Было видно, что старикам уже опостылело это грузное беспомощное тело, которое продолжало сохранять жизнь. Просто существование белковых тел, немногим более. Мозг уже, в полной мере, не мог управлять ослабшими членами. Это вечное противостояние плоти и разума. Что первично? С годами я нашел для себя ответ. Но, боюсь, он никого не обрадует. В коляске старики чувствовали себя гораздо увереннее, они обретали хоть какой-то контроль над пространством. Должно быть, где-то в чертогах их разума

звучал хриплый голос – напевающий: «А мне летать, а мне летать охота».

На следующий день меня позвали помочь помыть одного из стариков-колясочников. Звали его Николай. Мы вывезли его из комнаты и отправились в ванную. Пока его транспортировали, он все время оборачивался на меня и будто присматривался. Когда я, в ответ, переводил взгляд на него – он морщился, выпячивал нижнюю губу и лукаво улыбался. Ванная комната была совершенно обычной, разве что в углу стояла небольшая деревянная ступенька, для того, чтобы пожилым людям легче было забраться в ванную, и к стене, по всей ее длине, был прикручен поручень. Я, Мария – сотрудница дома – и старик в коляске с трудом умещались на небольшой площади перед ванной. Мария предусмотрительно принесла табурет. Пока я держал старика, она выкатила коляску из ванной и мы посадили его на табурет. Тяжело дыша, я растерянно посмотрел на медсестру.

– А как дальше?

Она пожала плечами.

– Как получится. У вас руки сильные?

Руки у меня были слабыми. Но, признаться я в этом упорно не хотел.

– Не жалуясь.

– Тогда давайте так: вы возьмете его сзади, поднимете, я перекину его ноги в ванную, а затем мы его посадим.

Я обошел старика, но, как только я взялся за него, Мария

покачала головой.

– Нет, не так. Встаньте одной ногой в ванную и немного подсядьте под него.

Я неуклюже выполнил ее указания. Она снова покачала головой. Но, уже не стала ничего корректировать.

– Поднимайте.

Я собрался с силами и начал поднимать старика, положение было не самое удобное, да и груз был довольно увесистый, но выбора не было. Николай кричал, ругался, но не сопротивлялся. Пока я, на дрожащих ногах, держал старика Мария перекинула сначала одну, потом вторую ногу, посадили на облучок ванны, с большим трудом смогли усадить в саму ванну. Когда я наклонился к нему, чтобы снять с него майку он взял меня за руку.

– Володька, ты давай вставай на ноги. Держись, Тоня к тебе уже не вернется. Отпусти ее. Я скоро помру, а мой дом останется тебе. Живи в нем. Дом хороший – крепкий. Пусть ему уже много лет, но строил я его на совесть, вот этими руками строил. Где требуется – просмолил, где нужно – зацементировал, все выровнял, все укрепил. У всех моих сверстников дома уже где прохудились, где покосились, а мой стоит как новенький. Может, где краска и пооблупилась, но это ничего.

Я, удивленно, несколько отстранился от старика. Затем, не зная, что сделать или сказать, посмотрел на Марию. Она, вздохнув, приблизилась ко мне. Наклонившись к моему уху,

она шепотом сказала:

– Не спорьте с ним. Пусть он продолжает думать, что вы Володька. Так будет легче.

Да, действительно, пусть будет так. Другой мир мы ему уже не сможем придумать. Может, этот Володька уже давно целует небеса, а крепкий дом – оплот семьи – сгорел. Может, все уже умерло, но продолжает жить в голове у Николая. В конце концов, разве безумие – не есть спасение?

Я, как можно более естественно, улыбнулся и взял за руку деда.

– Конечно дедушка. Все будет хорошо. Я простил Антонину. Вот, посмотри, я даже нашел себе невесту.

Я подошел к Марии и обнял ее. Она осталась стоять с серьезным лицом, но мою руку не стала сбрасывать. Старик обрадовался, но недоверчиво спросил:

– А как вы познакомились?

Мария подошла к старику.

– Володя тебе обо всем позже расскажет. Сейчас нам надо тебя искупать. Ведь ты давно не мылся. Сможешь сам снять с себя майку?

Старик отказался от помощи и долго кряхтел, пытаясь стащить одежду. Наконец, это у него получилось. Снять исподнее уже пришлось помогать нам.

Все было готово. Старик сидел в ванной полностью голый. Тщедушное, морщинистое тело, на спине и руках частые, маленькие седые волосики – будто пух, торчащая во все сторо-

ны борода, частый пигмент на коже. Морщин не было лишь на старческом пузе. Оно было, до неприличия, гладким. Мария сказала, что я могу идти, она позовет меня. Я вышел. За дверью меня уже ждала повариха, вопреки расхожему мнению, довольно субтильная женщина.

– Привезли картошку. Поможете сгрузить на склад?

Куда деваться... Будем таскать картошку. А где-то в Крыму девушка в розговом сарафане...

– Пойдемте.

Мешки с картошкой совсем не то, что мешки с сахаром – вес не тот, зато грязи больше. Таскать их каким-либо иным способом, кроме как прижавши к телу, неудобно. Пришлось около получаса обниматься с мешками. Переноса десятый мешок, я с досадой подумал: «Они что, здесь одну картошку едят?» Мешки кончились, повариха кивнула мне в знак благодарности и ушла. Надо было возвращаться к Марии. Как оказалось, она ждала меня уже несколько минут. Погрузили в коляску, помогли одеться и вывезли, уже благоухающего фиалками, старика в коридор. Мария посмотрела на часы.

– Скоро обед. У нас есть лежачие старики. Надо будет их покормить. Раньше мы занимались этим со Светой, теперь будем втроем. Пойдемте – я покажу вашего подопечного на сегодня. Пойдете в столовую и скажете, что вам нужна порция для Ярослава Кирилловича. Он перенес обширный инсульт, к сожалению, сильно пострадало правое полушарие мозга. Левая рука практически полностью парализова-

на, правая рука сохраняет двигательную активность, но пока очень слабая. Его недавно выписали из стационара, врачи прогнозируют возможное частичное восстановление, если оно вообще наступит, через год или в районе того. Пока он совсем беспомощен.

Я угрюмо направился в столовую, произнеся кодовые слова, я получил требуемую порцию пищи. Идти кормить старика совсем не хотелось, но каждая минута промедления приближала обед к состоянию полного остывания, и долго ждать было нельзя.

Комната моего подопечного была рядом с постом. Я вошёл – светло и тихо. На койке у окна лежал Ярослав Кириллович. В его облике, накрытом простыней по грудь, слабо угадывались человеческие черты. Скорее он походил на зомби. Но и зомби хотят есть – и, наверняка, жить.

– Здравствуйте. Меня прислали вас покормить.

Он громко замычал и заерзал на кровати, кивая мне головой. Я посмотрел на его правую руку – она осуществляла движения, будто что-то смахивала с кровати. Это он так демонстрирует, что не хочет есть? Я присел рядом со стариком и поставил поднос с едой на тумбочку. Он страдальчески посмотрел на меня, надрывно замычал и отвернул голову. Твою мать – послали кормить инвалида того, кто никогда с этим не сталкивался. Что же делать?

– Надо есть, так восстановление пойдет быстрее.

Старик оставался недвижим. Лишь его дрожащее дыха-

ние, передающее простыне легкие сейсмические возмущения, говорило о том, что он все слышит и, возможно, осознает. Я решил, что для более четкого контакта между нами его нужно усадить. Но, как только я потянулся к нему со словами – давайте сядем поудобнее, он замотал головой и, как мне показалось, даже хотел ударить меня правой рукой, но она была слишком слаба и отчаянный импульс угас быстрее, чем он успел занести руку для удара. Я снова сел на стул.

– Вы хотите, чтобы я ушел?

Сначала он находился недвижим, потом резко кивнул.

– Вы отказываетесь есть?

Он снова кивнул и глубоко задышал.

Сквозь его несвязное мычание я разобрал страдальческое – уйди.

Я вышел из комнаты и отправился к Марии. Она как раз находилась в соседней комнате.

– Он отказывается есть.

Мария обернулась ко мне и покачала головой.

– Плохо. Как привезли, он ничего не ест. Не думаю, что у него нарушен глотательный рефлекс – он просто не хочет. Ладно, сейчас принесу зонд, буду кормить через шприц.

– Как это?

– Очень просто. В носовой проход больного вводится катетер, он проходит через носоглотку и пищевод в желудок. Зонд соединяется с большим шприцем, который предварительно наполняется питательными веществами. Главное,

чтобы он не сопротивлялся. Пойдете со мной и, при необходимости, будете его держать.

– Это необходимая мера?

– Конечно, он должен поесть любым способом. Сейчас, его желание не имеет значения! Мы не можем допустить, чтобы пациент умер от истощения!

Судя по всему, он вовсе и не... Нет уж, кормить через трубку!

– Я пойду к нему и попытаюсь накормить его привычным способом.

– Уверены?

– Да, уверен.

– Попробуйте.

Снова палата с одиноко лежащим под простыней стариком. Я взял стул и поставил его подле кровати.

– Это снова я. Давайте поговорим с вами. Все равно делать больше нечего. Я понимаю, что вам тяжело разговаривать, тогда давайте договоримся об условных обозначениях, я буду задавать вам вопросы – один хлопок по кровати это да, два хлопка это нет. Договорились?

Ярослав Кириллович не отвечал и не производил никаких движений.

– Ладно вам, что вы надулись как пузырь? Я же не отстану.

Ноль реакции.

– Тогда я сам расскажу вам о себе, чтобы нам было легче сблизиться.

Ярослав Кириллович, насколько ему позволяли текущие мимические возможности, сделал скептическое лицо. Не верит, что начну ему рассказывать о себе. Это было бы, как минимум, глупо – своего рода абсурд. А чем абсурд не выход из ситуации? И вот я начал. Сначала детство, с его трудностями, беззаботным и чистым взглядом на мир, потом отрочество с его сложными проблемами причастности, затем период активного пубертатного развития с его пульсирующим тестостероном. Кажется, я рассказал старику практически все веселые, глупые или абсурдные истории, которые со мной происходили. Во время повествования я, как актер играющий в моноспектакле изображал все произошедшее с различных точек зрения и от лица множества участников действия. Меня надо было видеть: то я изображаю грозного учителя, который не хочет ставить мне тройку в четверти и отчитывает меня при всем классе, то нерадивого химика Пашку, который решил поэкспериментировать с горючими веществами с сжег себе все волосы на лице вместе с бровями а потом решил скрыть все это маркером, то нашего паренька со двора, который разбил автомобиль своего брата и свалил всю вину на нас с другом. По мере своих актерских возможностей я изображал, как его брат в одних носках бежит за нами по двору и размахивает рулевым колесом. Вот я уже дошел до первого сексуального опыта, но тут в комнату заглянула Мария.

– У вас все нормально?

– Да, все под контролем.

Она подозвала меня к себе.

– Вы сказали, что попробуете его накормить, а не будете разыгрывать перед ним глупые водевили.

– Дайте мне еще немного времени.

– Через пять минут я подойду.

Я снова сел подле Ярослава Кирилловича. После скомканного вступления необходимо было переходить к сути всего моего представления. Речь я уже придумал.

– Теперь, когда вы знаете обо мне уже значительно больше, мы можем откровенно поговорить. Существует расхожее мнение, что выбор есть всегда. И у вас он действительно есть. Либо вы будете принимать пищу добровольно, либо вас будут кормить через катетер. Но, по сути, исход один, только ваше внутреннее состояние будет разным. Насильное кормление через катетер, я полагаю, только ухудшит ваше психическое состояние, но у вас есть возможность это избежать. Что случится далее – это уже не наша забота.

Хорошо я завернул. При слове – катетер старик округлил глаза и застонал. Я решил повторить вопрос.

– Вы готовы попробовать поесть?

Как и прежде – молчание.

– Вы попробуете поесть?

Одиночный хлопок по кровати – победа! Как оказалось, глотательный рефлекс не нарушен.

После сумбурного второго трудового дня я сидел на под-

оконнике и водил пальцем по стеклу, пытаясь осмыслить происходящее. Не успел я запустить руку в пучину рефлексии, как услышал крик. Я выбежал в коридор. В одной из комнат открылась дверь. Снова раздался крик о помощи. За дверью меня ждала невеселая картина. Старушка лежала на полу с разбитой головой, рядом валялась ее клюка. Ее подруга причитала: "О господи, Ольга, – как же ты так"? Я молча стоял и не знал, что делать. Старушка подняла испуганные глаза на меня.

– Помогите, господи, помогите!

Видимо, когда старушка падала – она ударилась головой о спинку кровати. Было много крови и она продолжала течь, образуя на полу багровый материк. Я сорвал с кровати наволочку, нагнулся к старушке, осторожно поднял ее голову и подложил сложенную ткань под нее. Кровь скопилась на полу с правой стороны от головы, очевидно, что удар пришелся в затылочную область именно с правой стороны. Я, как можно аккуратнее, но, тем не менее, сильно прижал наволочку к ране, стараясь не шевелить головы.

– Зовите Марию!

Больше я никого не знал из персонала. Старушка убежала. Я продолжал прижимать уже полностью вымокшую в крови наволочку к голове. Мозг лихорадочно воспроизводил все возможные отсылки к информации о первой помощи при черепно-мозговых травмах. Тем не менее, руководствуясь скорее не памятью, а интуицией, я решил перевернуть постра-

давшую на бок, противоположный месту удара. Так как прижимать к ране наволочку теперь стало неудобно – я схватил полотенце, висевшее на стуле, и приложил его. Старушка, приходя в себя, застонала. Я громко спросил: "Вы меня слышите"? В ответ раздался лишь стон.

– Не теряйте сознание, старайтесь концентрироваться на моем голосе. Сейчас придет помощь.

Не знаю почему, но я не придумал ничего лучше, как просто громко повторять данные слова в различных комбинациях.

– Сейчас помощь придет, помощь скоро придет, они уже идут, я послал за ними.

Я совсем потерял счет времени и счет тому – сколько раз я произнес слово помощь, когда в комнату вбежал штатный дежурный врач и Мария. Он склонился к старушке.

– Давно она лежит?

– Не знаю, я прибежал на крик, думаю не так давно.

Он взял меня за плече.

– Все парень, спасибо, ты можешь идти, дальше мы сами.

Но, я не слышал его, и продолжал прижимать полотенце к ране. После того, как мое внимание на несколько секунд отвлекло прибытие той самой помощи, которую я так ждал, оно снова переключилось на окровавленное полотенце. Тогда врач, чтобы вывести меня из состояния аффекта, сильно сжал мне пальцами мочку уха.

– Все парень иди, спасибо.

Я убрал дрожащую руку с полотенца и медленно встал.

– Только вы продолжайте с ней говорить, чтобы она не потеряла сознание.

Врач, с легким пренебрежением, посмотрел на меня. Я, неуверенно направляясь к двери, продолжал сбивчиво громким голосом повторять:

– Вы говорите с ней, говорите, ведь надо говорить – обязательно!

Врач молчал. Он лишь ощупывал голову старушки и осматривал обширное кровавое пятно на полу. Я растеряно посмотрел на Марию.

– Ведь надо говорить?

Она жестом показала, что все будет нормально и склонилась к пострадавшей. Лишь когда она заговорила с ней я вышел из комнаты. За распахнутой дверью стояла подруга пострадавшей и испуганно смотрела на происходящее. Я молча прошел мимо. Руки дрожали, на лбу выступила испарина. Вытерев лоб тыльной стороной ладони я осознал, что она вся в крови. Туалет был как раз по пути. Я подошел к умывальнику, открыл кран и поставил ладони под сильную струю воды. Прямо как в фильмах: герой смывает с рук следы преступления. За дверью меня уже ждет мой напарник, который окажется предателем. Я уже знаю его тайну, но дам ему шанс на признание и, повернувшись к нему спиной, наблюдая за вороном, сидящим на ветке за окном, буду медленно говорить ему о том, что я не осуждаю его поступка и готов при-

нять любое его решение. И, когда он приставит мне пистолет к виску я буду мужественно молчать, буду молчать...

В коморке темно, тихо и прохладно. Я закрыл дверь. Там за стенами медперсонал пытается привести старушку в чувства, а здесь все спокойно, равновесие нарушает лишь мое сбивчивое дыхание. Вот это поворот! Второй день и уже такое. Я лег на кровать. Не знаю, во сколько мне удалось уснуть, но спал я крепко – без снов.

Как не тяжело подчас бремя прожитого дня, наступает день новый и несет тебе следующие испытания и открытия. Проснулся я в районе десяти часов. Нужно было одеваться и идти на пост за новыми заданиями. До сих пор не могу себе объяснить: почему я сам выходил навстречу трудовому дню, а не ждал когда меня позовут и дадут мне работу. Может, из чувства страха ожидания? Мне легче было самому встретить все препятствия и тяготы грядущего дня, нежели смиренно ожидать их неумолимого пришествия. В данном вопросе проявление моей полусонной самости менее подходило под общепринятое понятие – буржуа. В конечном итоге, это всего лишь стереотип. Я подошел к посту, там никого не было. Тогда я направился в дежурный кабинет. Там меня также ожидала пустота. Пока я стоял и думал – куда направиться, ко мне подошел забавный старик довольно пухлого телосложения, с большой залысиной и причудливо торчащими по бокам головы волосами, будто коту на холке и за ушами взъерошили шерсть и она торчала во все стороны. Снача-

ла я не придал его присутствию особого значения и продолжал молча стоять. Но, когда я украдкой решил посмотреть на него, я понял, что он пристально уставился в мою сторону.

– Как оно?

Я повернулся к нему.

– Потихоньку.

– Есть прикурить?

– Нет, не курю.

– Спортсмен что ли?

– Нет.

Он, вытянув губы трубочкой, удивился.

– Как это, не спортсмен и не куришь? Надо начать.

– Не тянет.

Он покачал головой.

– Не видел тут кота? Я потерял его. Уже третий день не является. Вроде не весна. Яйца бы ему отрезать, чтоб не гулял. Да все жалко.

– Нет, кота не видел. А разве здесь есть домашние животные?

Он насупился.

– А как же. Мало того, по секрету тебе скажу, и чертей здесь хоть отбавляй.

Пока я переваривал его словесный пассаж, к нам подошла Мария.

– Ладно Борис Герасимович иди к себе, сейчас таблеточки принесут, а нам работать надо.

Борис Герасимович хмыкнул и дважды пожал плечами, но отвечать ничего не стал. Когда старик ушел, Мария обратилась ко мне:

– Это Борис Герасимович. С ним лучше общаться осторожнее: лишнего не говори, старайся сильно ему не перечить, а лучше, по возможности, избегать беседы с ним. Твои задачи на сегодня: сводить стариков в туалет, вымыть пол в коридоре, забрать простыни из стирки и развесить их, прочистить дорожки от снега и, кажется, все.

Да, неплохо для третьего дня.

– А задания будете давать мне вы?

– Отчасти я, потом придет Тамара Юсуфовна и даст тебе задания по хозяйственной части.

Тамара Юсуфовна – забавно.

– Как быть с походом в туалет?

– Стучишься, заходишь в каждую комнату, спрашиваешь – кому требуется помощь дойти до туалета и далее по схеме.

Когда Мария меня покинула, сзади ко мне подошла старушка со словами:

– Это Борька, местный сумасшедший. Все кота ищет. И откуда он его взял? Отродясь никакой живности не было...

– А вы его знаете?

– А как же, главный бухгалтер нашей швейной фабрики.

Тридцать лет на посту.

– Как же он сюда попал, вроде должность серьезная, наверняка и в финансовом плане проблем нет?

Старушка смутилась.

– А я почему знаю, свечку не держала, кто их сумасшедших разберет?

На этом наш краткий диалог закончился и начался мой трудовой день. Грязный пол, простыни, снег – просто мякотка. Самое интересное, что меня никто не контролировал. У Марии было и без того полно дел. Остальной персонал контактировал со мной крайне фрагментарно. Тем не менее, желание схалтурить преследовало меня лишь только в течение первой недели. Когда я смотрел на стариков, на их сгорбленные спины, на трясущиеся руки, на впавшие глазницы, на их ледяное одиночество – моя, еще не повзрослевшая, совесть открывала в глубинах сознания невиданные мной доселе высоты перфекционизма.

С каждым новым днем скомканные отстраненные образы старческой жизни становились для меня все более явственными. Вот я вижу огромную кирпичную стену белого цвета, она простирается за границы моего поля зрения, как с правой, так и с левой стороны. Рельеф стены практически отсутствует, либо мое зрение слишком ослеплено белизной. Всего лишь белая плоскость расчерченная черными линиями, но я знаю – это стена. Может быть потому, что я видел похожую текстуру на обложке одного известного музыкального альбома. Откуда-то сверху мне слышится назойливый стук. С каждым стуком на безупречно белой поверхности начинает проступать багровое лицо кричащего человека, с раздутыми

ноздрями. Он боязливо косится в левую сторону и беззвучно кричит. Словно в триумфальную арку я захожу в пугающую багровость. Стук выдергивает меня из сна. На часах 2:30 – глубокая ночь. Стук сопровождается громким криком.

– Света! Света!, – доносилось из коридора.

Толком не успев сориентироваться – где включается свет, я попытался взглянуть во тьму. Звук доносился из под лестницы. Насколько я успел понять – там находилась бойлерная. У двери стояла сгорбленная старушка и стучала, громко выкрикивая имя.

– Света! Света! Открывай!.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.